

Пролог

— Если хочешь узнать всю правду, скажи хоть, что ты уже обо мне знаешь или думаешь, что знаешь. Например, когда именно ты поняла, что я участвовал в Сопровождении?

— *Честно говоря, не помню. Не ведаю, кто и когда мне сказал, что ты умеешь подделывать документы. Останься мы в Алжире навсегда, я бы понятия не имела о твоём участии во Второй мировой. Там все называли тебя моджахедом — воином, вот я бы и думала, что мой папа — просто смелый доблестный человек.*

— Зато потом, во Франции, все прояснилось.

— *Не все и не сразу. Ты нам вообще ничего не рассказывал. В детстве я думала, что ты воспитатель, помогаешь беспризорникам, трудным подросткам, юным правонарушителям вернуться в общество, найти работу. Учишь их фотографировать. Постепенно, прислушиваясь к разговорам взрослых, я начала догадываться кое о чем по отдельным репликам, обмолвкам. Ясной картины из отрывочных сведений не получалось. Меня навел на ум ряд событий во внешнем мире. Помнишь ту статью в ультраправой газете «Минют»?*

— Ну еще бы! Сохранил на добрую память. Вот, погляди!
— *«Бывший фальсификатор прикидывается святошей. Участник сети Жансона, пособник врагов Франции, членов Фронта национального освобождения в Алжире, теперь работает о социальной адаптации криминализованной молодежи африканского происхождения, приобщает к закону и нравственности юных преступников...» Тьфу!*

— Прочитав эту статью, многие мои подопечные донимали меня плоскими островами типа: «Подгони-ка ксиву моему братану!», «Пару лимонов не напечатаешь?»

— *А много лет спустя, когда ты хлопотал, чтобы нам дали французское гражданство, и собирал документы, я просматривала твои письма. Одно меня особенно заинтересовало. Сообщение о том, что тебя награждают за службу в разведке и контрразведке французской армии в 1945 году. Тогда я подумала: «Вот это да! Мой папа — шпион, тайный агент!» Чего я только не наслушалась о тебе! Одни называли тебя героем, борцом за правое дело, разведчиком, моджахедом. Другие — предателем, преступником, фальшивомонетчиком, фальсификатором...*

— Ну а ты меня кем считала? Что думала?

— *Думала, что однажды во всем разберусь, внесу ясность раз и навсегда. Вот перечень тех, кого я хотела бы расспросить о тебе, прочти!*

— Дай-ка взгляну... Надо же, какой длинный! Нелегко тебе придется, дочка. Из них в живых-то почти никого не осталось...

Когда мы вычеркнули всех, с кем поговорить уже не удастся, список сократился на добрую половину. «Вдвое меньше

возни, немалое облегчение для тебя!» — пошутил отец. Он всегда говорил шутивым тоном о тяжелом, болезненном, трудном.

О смерти. О прошлом. Да, вот причины, вынудившие меня написать книгу как можно скорей. Пока еще не поздно. Пока он не ушел от нас и не унес с собой неразгаданные тайны, историю своей жизни. Не то мои вопросы остались бы без ответов.

Я работала над книгой два года, провела настоящее расследование, опросила два десятка людей. И наконец-то узнала истинного Адольфо Камински, а не просто «папу». Мне пришлось исписать массу блокнотов в попытках расшифровать секретные послания, прочесть между строк, восстановить то, о чем он умалчивал, рассказывая мне спокойно, без пафоса разные случаи из своей жизни. Другие свидетельства мне тоже пригодились, без них я бы не поняла, насколько опасна работа в подполье, каково приходится фальсификатору, которого с ненавистью отвергает общество, преследуют власти, хотя он верен своим политическим убеждениям и всеми силами старается утвердить в мире справедливость и свободу.

I

Январь 1944 года в Париже. Подбежал к метро «Сен-Жермен-де-Пре», опрометью скатился вниз, вскочил в ближайший поезд. Мне нужно на восток, до «Пер-Лашез»! Сел на откидное сидение, подальше от других пассажиров. Чемоданчик с драгоценным грузом прижимал к груди. Отсчитывал станции. Так. Три уже миновал благополучно. На «Републик» в соседнем вагоне раздались громкие голоса, какой-то шум. Сигнал к отправлению давно уже прозвучал, но двери открыты. Пассажиры умолкли, услышав отчетливый, резкий стук сапог. Ни с чем не спутаешь, я узнал их мгновенно. Резкая боль обожгла мне легкие в тот момент, когда милицейский патруль* с красными повязками на рукавах, в плоских баскских беретах, сдвинутых набок, так что видны обритые наголо затылки, вломился в наш вагон. Дали отмашку машинисту, двери закрылись.

* Французская милиция существовала в 1943–1944 годах, выполняла карательные функции, тесно сотрудничала с гестапо. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

II

— Общая проверка документов! Досмотр багажа!

Не обернулся, не посмотрел на них. Ждал своей очереди, притулившись в конце вагона. Мне казалось, я давно привык к всевозможным обыскам и проверкам. Напрасно. Теперь мне страшно по-настоящему.

Главное, сохраняй спокойствие, не показывай им, что напуган. Ты не выдашь себя, не погубишь, не поддашься панике, не сегодня, не сейчас. Не смей отбивать ногой безумный ритм беззвучного марша! Никаких капель пота на лбу! Кровь, не стучи в висках. Сердце, перестань бешено колотиться. Дышим глубоко. Загоним страх внутрь. Изобразим безмятежность. Мужайся! Все хорошо. У тебя важное задание, и ты с ним справишься. Нет ничего невозможного.

Там, за спиной, проверяли бумаги, рылись в вещах. Следующая станция моя. У каждой двери патрульный. Совершенно очевидно, что от досмотра ну никак не уйти. Тогда я встал и сам, по доброй воле, уверенным шагом двинулся с документами в руках навстречу милиции, что направлялась ко мне. Указал на двери — мол, мне выходить. Один из них громко вслух прочел: «Жюльен Адольф Келлер, семнадцать лет, красильщик, работает в химчистке, родился в городе Аэне департамента Крёз...» Осмотрел бумагу со всех сторон, повертел в руках так и этак. Глазки щелочки с подозрением следили за мной исподтишка. Он надеялся подловить меня, разоблачить. Но я знал, что выгляжу абсолютно невозмутимым, страха никто не учуял. Знал, что документы у меня в полном порядке. Еще бы! Моя работа!

— Так. Постойте. Келлер... Вы эльзасец?

— Ну да.

— А там у вас что? Покажите!

Именно обыска я хотел избежать во что бы то ни стало. Патрульный потянулся к чемоданчику, я судорожно вцепился в ручку. На мгновение мне почудилось: все пропало! Взять бы ноги в руки да бежать. Нельзя, некуда, все равно поймают. От ужаса кровь застыла в жилах. Скорей! Придумай что-нибудь! Импровизируй. Притворись дурачком. Будто удивлен и ничего не понимаешь.

— Оглух? Что внутри? Показывай, живо! — рявкнул тот с раздражением.

— Взял с собой кое-что перекусить. Хотите узнать, что я ем?

С этими словами я распахнул чемоданчик, где в самом деле лежал промасленный сверток. Довольно внушительный, надежно заслонивший все то, что следовало скрыть любой ценой. Патрульный помедлил в нерешительности, затем так и впился мне в глаза, гадая, в чем подвох. И встретил наивную улыбку до ушей. Уж что-что, а прикидываться идиотом в трудную минуту я всегда умел. Время шло, секунды казались мне часами. Станция «Пер-Лашез». Сигнал. Двери вот-вот закроются.

— Ладно, так и быть. Можете идти.

До сих пор помню резкий пронизывающий ветер над могилами. Я пришел на кладбище Пер-Лашез вовсе не для того, чтобы почтить умерших. Зуб на зуб не попадал. Била дрожь. Выйдя из метро, я с трудом дотащился сюда и присел на скамейку, чтобы в одиночестве дать волю панике, скрытой прежде под маской спокойствия, и поне-

много прийти в себя. Я это называл запоздалым шоком. Так тело освобождалось от подавленного пережитого ужаса. Приходилось терпеливо ждать, пока пульс замедлится и станет ровным, сердце уймется, руки перестанут ходить ходуном. Долго ли это продолжалось? Не знаю. Минут пять или десять. Я как раз успевал продрогнуть и овладеть собой. Вспоминал, для чего и ради кого рисковал жизнью. Что должен действовать как можно быстрее. Что нельзя терять ни минуты. Спешка помогала вынырнуть из тяжелой одури глухой кладбищенской тишины. Направляла, подстегивала. Некогда сокрушаться, жалеть себя, бояться и отчаиваться.

Все, я готов продолжить путь. Но, прежде чем подняться со скамьи, огляделся по сторонам и бережно открыл чемоданчик. Тщательно в последний раз проверил, все ли на месте. Вынул бутерброды, завернутые в бумагу. Все цело и невредимо. Мое сокровище. Пятьдесят чистых удостоверений личности, особые чернила, надежная перьевая ручка, скоросшиватель и вырезанные собственноручно печати.

В тот день, как и много раз прежде, я стучался к незнакомым людям, чьи адреса мне сообщили накануне, — за ночь заучивал длинный список наизусть. Внедренные в полицию агенты Сопrotивления сообщали десятки фамилий евреев, которых назавтра вместе с семьями должны были затемно схватить и отправить в лагеря.

Вернулся на бульвар Менильмонтан, поднялся к улице Курон, свернул в переулок и оказался на бульваре Бель-

виль. Я впервые видел тех, кого знал только по именам и фамилиям. К счастью, живущая на улице дю Мулен Жоли семья Блюменталь — Морис, Люси и трое детей: Жан, Элиана и Вера — без возражений согласилась получить поддельные документы и перейти на нелегальное положение.

Иногда мне везло, люди сразу находили фотографии нужного размера; я немедленно приклеивал их на удостоверение и заполнял его каллиграфическим почерком служащего мэрии. Но случалось и так, что от помощи не отказывались, однако фотографий не было, поэтому оформить фальшивые бумаги «с доставкой на дом» не удавалось... Хорошо хоть, они мне верили и клятвенно обещали, что покинут дом и спрячутся от завтрашней облавы. У кого-то был родной дядя, двоюродный брат или друг, готовый приютить беглецов на какое-то время. Иным было некуда податься... Некоторые поначалу сомневались, но потом передумывали, услышав, что я помогу им абсолютно бесплатно. К сожалению, я убедил далеко не всех. Например, в тот вечер мне встретилась недоверчивая и упрямая мадам Дравд́а с улицы Оберкампф, вдова с четырьмя детьми. Она приняла меня за жулика, подозрительного проходимца. Полнейшее отсутствие здравого смысла у этой несчастной привело меня в отчаяние. Когда я предложил подделать удостоверение личности, она удивилась и возмутилась: «Мои предки из поколения в поколение — граждане Франции. Я истинная француженка и не сделала ничего дурного. Зачем же мне прятаться?» Заглянув поверх ее плеча вглубь квартиры, я успел заметить детей, которые чинно ужинали в столовой. Уговаривал ее

и упрашивал, как только мог. Заверял, что Сопротивление спрячет детей, что они проживут в деревне у добрых, честных, порядочных людей. Она сможет даже навещать их изредка. Напрасно. Все без толку. Она не желала меня слушать. Даже отвернулась с брезгливостью оскорбленной добродетели. Больше всего меня поразила ее реакция на мой рассказ о том, что я видел собственными глазами: как в транзитном лагере Дранси тысячи людей загоняли в тесные вагоны и отправляли на верную гибель. Мадам Дравда холодно возразила, что никаких лагерей смерти не существует, что лживая англо-американская пропаганда ее не запугает. Смолкла на секунду, а потом пригрозила, что вызовет полицию, если я сейчас же не уберусь отсюда подобру-поздорову. Как могла она искренне не понимать и не верить, что полиция явится завтра за ней и ее детьми вовсе не для того, чтобы их защитить?

С тяжестью на сердце, с неизменным чемоданчиком в руках я продолжил путь от дома к дому, про себя составляя два новых списка: будущих нелегалов и будущих заключенных. Последние навсегда останутся в моей памяти, будут посещать меня в кошмарах, — я знал это по опыту. Нарочно запоминал лица, имена, ведь, по сути, последним видел их живыми, свободными, невероятными...

Как бы я ни спешил, ясное январское солнышко скрылось раньше, чем я всех обошел, и ледяная зимняя непроглядная ночь поглотила последние отблески заката. Комендантский час давно уже наступил, когда за мной закрылась последняя дверь. Я превратился в тень, скользил неслышно по темным закоулкам, подальше от яркого

света фонарей, пригибаясь к земле, прижимаясь к стенам, исчезая из виду. Но прежде всего нужно отыскать телефон-автомат и сообщить связному, что завершил работу в своем квартале. Набрал секретный номер, произнес пароль, передал шифровку и только после этого направился в убежище.

Минут двадцать я пробирался в тревоге и в страхе, пока наконец не завидел вдали внушительное кирпичное здание: Дворец молодежи, сейчас он называется Дворцом женщин. В то время здесь располагалось общежитие для студентов и молодых рабочих. Ночлег стоил очень дешево, так что я, за неимением лучшего, стал постояльцем Дворца.

Ограда заперта, я долго и упорно звонил, но никто не открывал. Замерз отчаянно, ноги окоченели, мне совсем не улыбалось остаться на улице в комендантский час. И так уже мерещились на каждом углу зловещие тени, силуэты преследователей. Чудились окрики и угрозы. Все, я пропал. Деваться некуда. Навалилась усталость. Без всякой надежды позвонил в последний раз и забился в соседний подъезд. Сел на ступеньку, вжал голову в плечи, обхватил себя руками, чтобы согреться, и стал ждать рассвета. Задремать так и не смог, вздрагивал от малейшего шороха, от каждого порыва ветра, и все думал о злополучной мадам Дравда, обо всех, кого мне так и не удалось переубедить, особенно об их детях... Чувствовал вину перед ними, хоть и знал, что старался изо всех сил. Жалел, что не нашел нужных слов, доходчивых, проникновенных. Вопреки сомнениям упорно твердил себе: «Наши усилия и старания не напрасны, не сдавайся!» Гадал, успел ли Выдра спрятаться

до комендантского часа, раздал ли он больше документов, чем я. Только бы его не поймала полиция! Не пыталась бы, не убила... В январе 1944-го, поддельвая свое удостоверение личности, я нарочно убавил себе год, чтобы мной не заинтересовалась Обязательная служба труда*. Мне ведь было отнюдь не семнадцать, а восемнадцать. Война внезапно оборвала мое детство. Я не стал взрослым, но отныне понимал отчетливо: с легкомыслием и ребячеством покончено безвозвратно.

Нацистская полиция сбилась с ног, разыскивая в Париже главного фальсификатора. Мне это было отлично известно, ведь я сам мгновенно наводнил фальшивыми документами всю Северную зону** вплоть до Бельгии и Голландии, умудрившись наладить бесперебойное производство. Желающему приобрести поддельное удостоверение достаточно было связаться с любым участником Сопротивления, и он незамедлительно получал необходимое. Само собой, раз все это знали, узнала и полиция. Чем успешнее мы трудились, тем осмотрительнее и осто-

* Service du Travail Obligatoire (STO) — Обязательная служба труда, была учреждена правительством Виши в сентябре 1942 года для обеспечения оккупационных властей рабочей силой, с февраля 1943 года обязательно трудовому набору подлежала молодежь 1920–1922 годов рождения. — *Прим. ред.*

** Северная зона — территория Франции, находившаяся с июня 1940 года под немецкой оккупацией, включавшая атлантическое побережье и север страны, в том числе и Париж. Южная часть Франции, т. н. Свободная зона, находилась под управлением правительства Виши. С октября 1943-го и вплоть до освобождения вся Франция была единой оккупированной зоной.